

ИНВЕКТИВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК СРЕДСТВО ПЕРСУАЗИВНОСТИ

INVECTIVE IN POLITICAL DISCOURSE AS A MEANS OF PERSISTENCE

**T. Ryabova
N. Tishchenko**

Summary: The article examines the function of invective in the political discourse of the media. Persuasiveness is studied as a basic category of political discourse, which has various strategies and tactics, the purpose of which is to achieve a perlocutionary effect in the process of speech influence. Techniques for achieving the effect of persuasiveness, which consists in the choice and combination of verbal and non-verbal techniques, such as: expressives, evaluative vocabulary and phraseology, rhetorical devices, creolization, etc., are considered. A special role in the pragmatics of influence belongs to the category of expressiveness. The expressiveness of political discourse is realized in the ability to reinforce fragments of information to excite the cognitive mechanisms of figurative representation of fragments of discourse. Invectives, which express value judgments in an extreme form and have a high degree of expressiveness, can be used as verbal means in persuasive strategies and tactics of political discourse. The article discusses the role of invective in the persuasiveness of discourse, various means of functioning and formation of invective.

Keywords: political discourse, persuasiveness, pragmatics of influence, persuasive strategies, perlocutionary effect, invective, expressive function.

Рябова Татьяна Викторовна

*К.филол.н., Военный институт (Железнодорожных Войск и военных сообщений) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва
rtv64@bk.ru*

Тищенко Наталья Геннадьевна

*К.п.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
srada@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается функция инвективы в политическом дискурсе средств массовой информации. Исследуется персуазивность как базовая категория политического дискурса, имеющая различные стратегии и тактики, цель которых – достижение перлокутивного эффекта в процессе речевого воздействия. Рассмотрены приемы достижения эффекта персуазивности, заключающегося в выборе и комбинировании вербальных и невербальных техник, таких, как: экспрессивы, оценочная лексика и фразеология, риторические приемы, креолизация и др. Особая роль в прагматике воздействия принадлежит категории экспрессивности. Экспрессивность политического дискурса реализуется в способности усиливать фрагменты информации для возбуждения когнитивных механизмов образного представления фрагментов дискурса. Инвективы, которые в экстремальной форме выражают оценочные суждения и обладают экспрессивностью высокой степени, могут использоваться в качестве вербальных средств в персуазивных стратегиях и тактиках политического дискурса. В статье рассматривается роль инвективы в персуазивности дискурса, различные средства функционирования и образования инвективы.

Ключевые слова: политический дискурс, персуазивность, прагматика воздействия, персуазивные стратегии, перлокутивный эффект, инвектива, экспрессивная функция.

Актуальность изучения политической коммуникации СМИ обусловлена тем, что она в настоящее время занимает все большее место в коммуникативном пространстве, выполняет функцию социальной ориентировки и относится к процессам социализации. Политический дискурс СМИ, сфера влияния которого расширяется, в том числе, за счет увеличения сетевых источников информации, все чаще становится объектом лингвистических исследований, особая роль здесь принадлежит лингвистической прагматике. Лингвистическая прагматика изучает условия, выбор и употребление языковых единиц для достижения целей коммуникации и включает речевое поведение адресанта и адресата и их взаимодействие в речевом акте [1].

В рамках прагматического аспекта лингвистики развиваются такие направления, как теория коммуникации и теория речевого воздействия. Речевое воздействие

представляет собой прагматическую категорию дискурса, характеризующую прагматический замысел автора (продюцента), направленный на ментальную сферу реципиента с целью изменения когнитивных установок, влияющих на его представления, мнения, оценки. Речевые стратегии и тактики воздействия обозначаются как персуазивность дискурса. Термин «персуазивный, персуазивность» происходит от латинского *persuadeo*, *-suas*!, *-suásum*, *-ere*: 1. убеждать, уверять, внушать; 2. побуждать, склонять, уговаривать. Термин имеет два значения в лингвистике: 1 – «оценку говорящим объективности содержания высказывания с точки зрения достоверности» (мы не рассматриваем это значение); 2 – «способ воздействия адресанта на ментальную сферу реципиента (его мнения и оценки) с целью регулирования поведения реципиента в интересах адресанта» [3, с. 8]. В этом смысле персуазивность является базовой коммуникативной стратегией наряду с убеждением, внушением и

побуждением. Под коммуникативной стратегией мы понимаем комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [4, с. 54]. Персуазивность рассматривается как семантико-прагматическая категория дискурса, включающая в себя стратегии и тактики намеренного воздействия на ментальную сферу адресата с целью изменения его поведения [2], то есть как разновидность манипулирования, направленного на усиление аргументов в процессе аргументирования [9]. Политический дискурс средств массовой информации по типу коммуникативно-прагматических установок является персуазивным дискурсом. Основным признаком политического дискурса – его установка изменить политическую ситуацию путем явной и неявной пропаганды, эмоционального воздействия на общество и побуждения его к посткоммуникативным действиям [8].

Влияние иллюкутивного эффекта заставляет слушающего воспринять коммуникативное намерение говорящего с нужными для него последствиями. Под «иллюкутивным эффектом» мы понимаем способность адресанта вызвать у адресата отношение к высказыванию, соответствующее намерению говорящего. Перлюкутивный эффект речевого акта заключается в том, что адресат понял намерение адресанта и сделал адекватные выводы, на основании которых может быть изменено не только его мнение, но и поведение. Персуазивные стратегии, цель которых достижение перлюкутивного эффекта в процессе речевого воздействия, заключается в выборе и комбинировании вербальных и невербальных техник: экспрессивы (метафоры, гиперболы, метонимия, сравнения и др.), оценочная лексика и фразеология, лексические средства комического, прецедентные тексты, исторические и художественные параллели, риторические приемы, повторы, риторические вопросы, креолизация, паравербальные средства. В целях персуазивности используются психологические приемы, позволяющие оратору завладеть не только вниманием аудитории, но и создать обстановку непринужденности, имитацию дружеского общения единомышленников. «Диапазон лингвистических средств для решения задач привлечения внимания и создания диалогического взаимодействия в целях персуазивности охватывает все уровни языка – от словообразования до текстовых и интертекстовых связей. Широко используются лингвистические средства, обладающие выраженными характеристиками положительной или отрицательной коннотации. Особое место занимает разностилевая эмотивная лексика» [7, с. 204].

Особая роль в прагматике воздействия принадлежит категории экспрессивности. Экспрессивность политического дискурса реализуется в способности усиливать фрагменты информации для возбуждения когнитивных механизмов образного представления фрагментов дискурса. «Для лексики политического дискурса характерно широкое использование различных средств создания

экспрессии. «Просторечие пришло в политику»: лексика разговорного стиля, просторечия, жаргона, оценочная лексика, включая сниженную лексику и инвективы, широко используется как средство политической метафоры, иронии, экспрессии и оценки» [7, с. 205]. Такие лексические средства работают как контрастные раздражители, как средства снятия напряжения по параметру «свой – чужой» и осуществления «парасоциальных» связей между оратором и аудиторией. Это соответствует реализации персуазивных стратегий оценочного информирования, имитации естественного общения и вуалирования персуазивного намерения, сближения с аудиторией, привлечения ее на свою сторону, созданию атмосферы раскрепощенности, спонтанности и дискуссионности.

Инвективы, которые в экстремальной форме выражают оценочные суждения и обладают экспрессивностью высокой степени, могут использоваться в качестве вербальных средств в персуазивных стратегиях и тактиках политического дискурса.

В научной литературе встречается узкое и широкое понимание термина «инвектива». В первом случае это вид оскорбления, во втором – акт вербальной агрессии (употребление обценной лексики, клевета, заведомо лживые сведения и пр.)» [5]. Инвективой может служить любое слово или словосочетание, цель которых – нанести оскорбление адресату (инвектанту), поэтому лексические и фразеологические единицы, имеющие в своем значении отрицательные оценки человека или приобретающие их в контексте, выполняют функцию инвективы. Инвективами также могут служить лексические единицы, которые относятся к литературному языку, но в дискурсном контексте подверглись пейоратизации. Эмоционально-экспрессивная окраска инвективной лексики носит уничижительный характер. Инвективная лексика относится к аффективной, эмоционально усиленной сфере.

Тенденции к широкому использованию инвективы в политическом дискурсе средств массовой информации усиливаются в связи с обострением политической обстановки в современном мире, возрастанием русофобских настроений в международном пространстве, псевдodemократическими процессами в странах Запада и в части постсоветского пространства [6, с. 3].

Инвективы могут классифицироваться в соответствии со значением признаков осуждения человека. Среди проанализированного материала (телевизионные ток-шоу; политические радиопередачи (канал Вести ФМ); телеграмм канал (чаты политических обозревателей); YouTube) нами выявлены 270 единиц, относящихся к теме. Из них самую многочисленную группу составляют лексические единицы с семантикой оценки умственных

способностей (98 слов и словосочетаний). Номинативы со значением «глупость»: *тупость, тупизм, дурость, слабоумие, неразумность, безумие, скудоумие, безрассудность, невменяемость, (цена за пределами тупости)*. Слово «дурак» встречается в качестве инвективы гораздо реже, вероятно, в результате сглаживания экспрессивности по причине высокой частотности в фольклоре, художественной литературе и разговорной речи. Более частотны употребления в мужском роде производного: *придурак*, в женском роде: *дура (непроходимая, непробиваемая, полная; котлетная, протухшая кухонная тряпка (о Тихановской); старая дура (об Алексиевич); дура-дурой (о замгоссекретаря Нуланд)*. Для усиления отрицательной семантики используются сочетания: *включать дурака, буйный дурак, дурачье, полная дурость*. Большой подгруппой являются также сочетания со словами «интеллект, голова, мозг, ум»: *интеллект равен нулю, тараканий интеллект; загаживание мозгов, «непоседа головного мозга», тик-ток головного мозга, с головной проблема, больной на всю голову, блогер на всю голову, IQ австралопитеков; инвалид ума; существа с мозгами отварного кальмара*. Окказиональные словосочетания с переосмыслением фразеологизма приобретают комический эффект, что придает дополнительную экспрессию высказыванию. Например: «Обезумевшая бандеровская верхушка глубоко поразила мозги Зеленского».

Большую подгруппу составляет лексический пласт с названиями психических болезней, в том числе и медицинская терминологическая лексика: *неадекватный, сойти с ума (сбрендить), сумасшедший, душевно больной, безумный, диагноз (это уже диагноз), бешеный, падучая, дебил (дебилизм, полный дебилизм, дебилы одноклеточные, дебилоид), имбецил, идиот (запредельный), кретинизм, шизофрения (уровень шизофрении зашкаливает, политическая шизофрения), расщепление личности, биполярность (биполярка), паранойя, истерия (истерить, истерика, биться в истерике), бред (бредятина, полный, острый, кокаиновый бред, бред и небылицы, нести бред), маразм, альцгеймер (привет, альцгеймер)*. Часто эти слова используются в необычных сочетаниях: *пасмурный, незамутненный идиот, алтари безумия*. К терминам относятся также слова с обозначением объектов лечения: *психиатрическая больница, психушка, дурдом, палата № 6 (прецедентный); процесса: психиатрическая помощь, психиатрические практики; субъектов: психиатр, доктор (ему требуется психиатр); препарата: галоперидол (препарат для купирования психомоторного возбуждения)*. Использование терминологии в высказываниях по отношению к действиям инвектанта в политическом контексте усиливает экспрессию, в ряде случаев создает комический эффект, что влияет на достижение персуазивности. Вместе с тем медицинский термин в качестве характеристики инвектанта подчеркивает серьезность аргументативной позиции оратора, что также усиливает персуазивный эффект.

Другим способом функционирования инвективы

с семантикой обозначения умственных способностей является зооморфная метафора. Среди исследуемого материала присутствуют несколько лексем этой тематики, например: «баран». Ср.: *Глуп как баран. Как баран на новые ворота* (смотрит, уставился: ничего не понимая; (разг., неодобр.) – стать в тупик, столкнувшись с чем-либо новым, неожиданным [МАС, т. 1:61]. Доминантной характеристикой ассоциативной связи образа является *глупый, тупой*. С такой же семантикой употребляется зооним «курица». Иногда зооним только подразумевается, используется глагол, указывающий на зооним: *раскудachtалась, квакать, лаять, скулить*. Несколько примеров зоометафоры относится к разным характеристикам инвектанта. Зооморфизм «собака» представлен следующими примерами: «собака» - значение в словаре «перен. бранное Собака ты паршивая [МАС] бешеная собака, шавка, – в значении «злобный, опасный»; «Моська» – в качестве прецедентного «знать, она сильна...» (*чтобы какая-нибудь Моська не давала советы*); «Шарик» - «Поздравляю тебя, Шарик, ты болван!».

В качестве языковых средств инвективы политического дискурса часто используют прецедентные тексты (включая фразеологизмы). Например, «Уж такое королевство кривых зеркал» – о риторике США; «Сказка про белого бычка»; «Что у Вашингтона на уме, то у Байдена на языке»; «от мертвого осла уши»; «Платформа тронется, а Крым останется» (по поводу Крымской платформы 2021 г.); «звери задрожали, в обморок упали» (о необоснованном страхе) и др.

Большой пласт инвектив в политическом дискурсе СМИ составляют оценочные слова и словосочетания пейоративного характера: *шелупонь, мразь, нечисть, погань, сволочь, подонок, урод, ублюдок, выродки, пустышка, лох и др.* В словарях такие слова имеют соответствующие пометы. Оценочная лексика в качестве инвективы создает яркий, экспрессивный образ, обладает высоким манипулятивным потенциалом, обращает на себя внимание адресата, запоминается, поэтому достигает персуазивного эффекта.

В качестве локативов используются окказиональные образования и сочетания с ними. Например, оппозиция (оппозиция + либеральный): *опполиберальная конюшня, песочница, дискотека; политические Васюки / ньювасюки; (прецентный); цитадель (цитадель зла, ненависти); польско-литовская Беларусь* (О Тихановской и других оппозиционерах, сбежавших в Литву и Польшу). Авторские окказионализмы часто имеют комический эффект, например: *трибалтийские вымираторы* (о бывших советских прибалтийских республиках).

Как видно, инвектантом в политическом дискурсе может быть не только личность, но и группа, сообщество; инвектива может также относиться к позиции, акции,

действиям, документам, выступлениям: «*это не детский сад, это ваша политика*», «*галлюцинаторная политика*», «*брედовые планы*», «*мир сумасшедший*».

В качестве инвектив широко используются словообразовательные возможности окказионального словоупотребления. Например, *борцун* (от: *борец*) с помощью суффикса **-УН** приобретает уничижительный оттенок (ср. *хвастун*, *драчун*, *несун*). С этим суффиксом образуются инвективы из разряда обценной лексики. Окказиональное словообразование является распространенной формой инвективного словоупотребления: *деграданс*, *хайпжор* (хайп и жрать), *демшиза* (демократия и шизофрения), *британносец* (об английском военном судне в Черном море), *младо-*, *недо-* и *подлореформаторы*; *газ-нет* (по типу *виз-нет* – для Украины). Иронические инвективы, образующиеся по частотным словообразовательным моделям, служат созданию дополнительной экспрессии: *соросята*, *навальнята*, *вскрюк*, *унасекомить*, *медалька*, *печенька*, *залепуха* и пр.

Привлечение внимания в политическом дискурсе достигается за счет употребления на фоне нейтрально-информативного повествования жаргона и грубого просторечия: *параша* (место у *параши*), *опустить* и пр. Большую группу составляют эвфемизмы грубой инвективы: *как цветок в проруби*; *остодоело*, *ипанутые на всю голову*, *либерасты*; *полный трампец*; *пропагандонство*; *заднеприводной* (ЛГБТ), *светло-синие ценности* и пр. Как видно, большая часть эвфемизмов образована на основе фоносемантического подхода.

Таким образом, анализ демонстрирует, что средства создания и употребления инвектив весьма разнообразны. В профессиональном институциональном общении политиков и экспертов СМИ вербальная функция инвективы всегда имеет четко выраженную стратегическую направленность, используется осознанно, с целью привлечения внимания, усиления экспрессивности, подтверждения аргументации, повышает степень воздействия, что свидетельствует о выраженном персуазивном эффекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.И.Ярцева. М.: Советская энциклопедия., 1990. С. 389-390.
2. Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи // С.И. Виноградов. Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 281-317.
3. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб: СПбГУ, 2003. 23 с.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
5. Посиделова В.В. Лингвистический и правовой аспект инвективной лексики русского языка // Философия права, 2016, № 2 (75). С. 13-17.
6. Рябова Т.В., Тищенко Н.Г. Пейоративы и инвективы политического дискурса: к определению понятий // Инновационные технологии в педагогике высшей школы. Материалы VIII Международной межвузовской научно-методической конференции. Санкт-Петербург, Петергоф, 2022. С. 85-91.
7. Тищенко Н.Г., Тищенко С.Ф. Дидактический потенциал современного политического дискурса // Актуальные проблемы преподавания РКИ. Материалы Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. С. 202-207.
8. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): Учеб. Пособие [Текст] / А.П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003.
9. Шелестюк Е.В. Текстовые категории аргументативности, суггестивности и императивности как отражение способов речевого воздействия / Е.В. Шелестюк // Вестник Челябинского государственного университета (Серия «Филология. Искусствоведение»). 2008. Вып. 26. № 30 (131). С. 170-175.

© Рябова Татьяна Викторовна (rtv64@bk.ru), Тищенко Наталья Геннадьевна (srada@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»